

Ольга ШИЛЕНКО

В СВЯЩЕННОМ ХРАМЕ ДЛЯ ДВОИХ

* * *

Ты шёл, и сердце светило сквозь свитер.
 Душа просвечивала насквозь.
 В тот год у нас в головах был ветер,
 а в глазах поселились тысячи звёзд.
 Потому что мы были счастливы.
 В тот год у всех светились глаза.
 Никто не расслышал – уже ненастная
 надвигалась на мир гроза...
 ...Потому что мы были счастливы,
 блаженно счастливы, как соловей.
 Беспечными были, тикали часики,
 наивные часики светлых дней.

Покрова

Дождь не идёт, а бродит за окном.
 Грустит, лепечет, проникает в дом.
 Стихи мои читает с тонким всхлипом
 и вновь уходит с шёпотом и скрипом.
 Уйдёт – придёт, то сочинит мне блюз,
 то заведёт в туман воспоминаний,
 утрат великих, коих я боюсь,
 хранимых на задворках мирозданья.
 Стучатся откровения во сне,
 которым дождь счастливый мой
 не верит...
 А утром вздрогнуть вдруг заставит снег,
 покрывший обнажённые деревья.

* * *

Нет
 у меня
 предрассудков –
 белый ли, тёмный народ...
 Есть у меня незабудки,
 ими порос огород,
 маком в траве изумрудной,
 мальвами и резедой...
 Сколько цветов, столько люда
 в память прошло чередой.
 Сколько дорог, столько странствий...
 Всё не осилю уже.
 Боже, спасибо за праздник
 тайн твоих светлых в душе.

* * *

Морозные хвощи
 и папоротник белый.
 Палеозой колдует на стекле
 прелюдию любви, фантазии и перлы,
 что было и должно случиться на Земле.
 То метлы, то леса, то ледяная роза,
 хрустальный Млечный Путь,
 миры из серебра.
 И вихри дивных чувств,
 и ласковая роздымь,
 и юности моей туманная пора.
 Счастливый круглый глаз
 я продышу в узоре,
 а за окном всё те же чудеса:
 как рифы и дворцы
 стоят сады в уборе,
 и в тених голубых покоится краса.
 Великие дары и россыпи сокровищ.
 Завидуя сам себе, мой добрый Крёз.
 Любуйся и люби,
 с тобой одной мы крови.
 Нам ещё петь и петь
 в хорах несметных звёзд.

* * *

Дно твоё, великий древний Тетис,
 нарекли давно Сары-Аркой.
 Роют экскаваторы, им тесно
 средь развалов тайны вековой.
 По костям ракушечников белых,
 по слоёной глине, по пескам,
 бледной охрой, желтоватым мелом
 бродит с нами оторопь-тоска.
 Сколько древней жизни откипело
 в глубине стихий и колобродств,

извивалось, щерилось, смотрело
дивом граций, чудищ и уродств.
Мать-вода ли это созидала
в муках миллионы сотен лет?
Хаос ли, уставший от ристалищ,
или Абсолют, что значит Свет?
Вот сидим мы в домиках-ракушках –
пробы эволюции, ступень.
Совершенные средь нас есть души,
непостижные, как ночь,
светлей, чем день.

* * *

Накурился досыта мой дед,
наработался, навоевался вдоволь
и ушёл спокойно на тот свет
без особых почестей и слова.
В детстве представлялось мне, что он
был не только сказочником – дед мой...
Что на лодке плыть, что патефон
заводить – работа чародея.
Нынче с фото смотрит мой кумир –
седенький, обычный человек.
Но на нём стоял когда-то мир –
невозможно добрый и беспечный.

Храм любви

Над морем высота за тыщу метров.
В такую ночь влюблённые не спят.
И ветер юга, тёплый влажный ветер
пришёл с морей в лунной облитый сад.
Поёт он о пульсарах и квазарах,
о дымке, о сиянии плеяд.
Горбатый карагач над млечным яром
и явор о бессмертье говорят...
Любовь – храм для двоих.
Двоих обитель.
О пусть не переступят сей порог
ни брат и ни сестра, и ни родитель,
ни соглядатай тайный. Только Бог.
Любовь – храм лишь двоих.
В года святые
не открывайте храм тот ни на миг.
Поберегите нимбы золотые
в священном храме – храме для двоих.

* * *

Куда нарядились урюки?
Рубинами тоги горят.
Воздеты их сильные руки,
как будто знаменье творят.
Любуйся, сгорят, точно маки,
запомни, растают, как сон.
Рисуй на холсте и бумаге,
молись на красу и озон.

Конечно, они не пророки.
Планиды деревьев добрей...
Пришли и уйдут вдоль дороги
из этого мира зверей.
– Зачем же надели вы тоги,
багряные тоги свои?
– Мы самые древние боги,
Забывтые боги Земли.

* * *

...И напомнило адажио
васильковые букеты.
Был сезон, в любовном раже
ты творил мои портреты
в ожерельях с жемчугами.
А однажды, ярким летом,
подарил мне лунный камень
и речной воды нефриты...
Взоры тигров и ифритов
расточали мне мужчины,
робко делая признанья.
Были веские причины
им дарить моё вниманье.
Но... завишу от нарядов
и зеркал я лишь с тобою.
И когда тебя нет рядом,
что мне делать с той любовью?
Потускнел агат мой чёрный,
затерялся лунный камень.
А на дне комода чёртик
вдрызг играет жемчугами.

* * *

Не достались ни море,
ни Крым и ни Рим,
тем, кто дрался за них, как герой, молодым,
а достались жирным большим старикам,
что прибрали бы вроде
богатства к рукам...
Только мощи не те и ума с ноготок...
Не ходил бы ты
с братьями драться, сынок,
ни за тихую заводь,
ни за шумный прибой.
На войне не найти
ни судьбу, ни любовь.
...Хорошо, коль мгновенно убит и забыт,
а не раненый в душу, без ног инвалид.

* * *

Так хочется, чтоб ливни изумрудные,
деревья обнимая, шли и шли.
Лежит жара большая, беспробудная
за берегами жёлтыми Или.
Я навсегда запомню, как беспечно

сверчок на сеновале пел и пел,
бил в наковальню в резеде кузнечик,
и месяц, горбясь, к нам в окно глядел.
Всё было хорошо.

Миры не враждовали.

Озёра света звали на луга.

В лагуне вихрь увалом за увалом
ваял неуловимые века.

Не знаю, был ли это лучший жребий,
но знаю точно – пёрышко своё
нам Птица Счастья обронила с неба,
а вовсе не лихое вороньё.

Что было – никогда не опорочу,
а не сбылось – пригрезится в строках.
Не торопи безумный хлад пророчеств
по звёздной гальке, Вечная Река.

* * *

В воздушных замках тихо и просторно,
космическую пыль смыл тёплый дождь.
О этих бризов солнечных валторны,
окации листвы и восклицанья роц.
Я помню, как на тридевятом небе
мы на село смотрели свысока!
Казалось нам, есть что-то благолепней,
прекраснее родного уголка.
...Как все однажды
грянемся мы оземь
и вспомним дорогую пастораль.
Открой рояль ржавеющий свой, Осень,
верни нас в очарованную даль.

* * *

Все ль желанья ублажены,
все ль порывы стихли, точно ветер?
На краю тишайшей тишины
жить пора мудрее нам на свете.
Можно петь, как в полевых цветах
незаметный серенький кузнечик.
Жить по мере сил в своих летах.
Время созерцать – себя и Вечность.
Всё равно – цари мы иль шуты,
много нас таких или немного...
Всё острее жажда доброты,
жажда Человечности и Бога.

* * *

Растворены желанья отца
и матери дыхание в пространстве.
Лежит цветов сыпучая пыльца
на тех тропинках, где когда-то
с братцем
мы убегали к морю босиком,
ловя стрекоз и вглядываясь в грани
их мокрых глаз, огромных, как миры.

О, как пылали утреннею ранью
июльских красок жаркие костры.
Как море синим полымем горело
и мельница крутила жернова!
Казалось, будто в тысячи свирелей
переливалась звуками трава.
И нас любили розовые птицы,
престолы облаков и белый свет.
Мы шли, и горя не было на лицах,
поскольку в раннем детстве горя нет
и смерти нет...

Смотрела с неба Вечность,
похожая на тёплый отчий дом,
текла река и стрекотал кузнечик
о всём прекрасном, что придёт
потом.

Туранская осень

Пойдём с тобой на пир осенний!
Уже раскинут дастархан.
Под золотой деревьев сенью
лежит Октябрь сыт и пьян.
На нём венок из винограда,
пурпурный плащ и жёлтый шарф.
И почему-то всем нам в радость
его негреющий пожар.
Лишь одному ему под силу
раздеть тугие телеса
берёз и яворов красивых,
кусты, опушки и леса.
Они горят, роняя искры,
нас изумляя на ветрах.
Не скоро пеплом станут листья,
не скоро пир пройдёт в горах.
И мы там были – солнце пили,
цвет смаковали золотой.
И капельки осенних былей
несли счастливые домой.

* * *

В моём краю так близко висли звёзды, –
калиткой отворялась в сень душа...
Мы выходили в ночь под утро,
в роздымь,
попить росы с Медвежьего Ковша.
Мигали нам и говорили выси
о хаосе вселенной, о веках.
И грозные космические мысли
блуждали в ослепительных мирах.
Струилась ночь. Сияла атмосфера.
Хранили Божьих тварей камыши.
По небу шли мы, как Сатурн с Венерой,
и верили в бессмертные души.

* * *

Всю жизнь, в мечтах, иду домой из школы.
Домой, по острым камушкам мой путь.
Ждёт отчий дом. Он светит мне иконой,
но никого с небес уж не вернуть.
И снится мама... гроздь барбариса,
приёмный пункт... ведро по десять рэ.
Синеет море, рыба серебрится,
и дед ромашки косит на горе.
Никто не умирал, никто не сгинул.
Есть матрица. Записан каждый год.
И если оживают те картины,
то где-то был та милая живёт.

* * *

И сумрачный гений природы,
и леса премудрая крепь,
и моря подлунные воды –
застыли, чтоб снова смотреть,
как в небе сияют пульсары
и льётся прозрачная ночь.
О, Боже, за что этой чарой
ты поишь заблудшую дочь!
Кому-то железные склепы
с горой драгоценных камней...
Мне – грозное таинство неба,
сокровища звёздные мне.

Шкура

Однажды бездумно и как-то невольно
одинокому и влюблённому человеку
я, по глупости, сделаю больно.
И он столкнёт меня в Реку...
Реку боли своей безоглядной
и жгущей
ледяным зыбуном на ветрище.
Так он мстил мне за сердце слепое,
за своё пепелище,
за надменную гордую душу,
упоённую только собою...
И Река этой боли меня саданула
о скалы.
И несла в Никуда, лет, наверное,
...надцать.
И планида ко мне развернулась
тем зверским оскалом,
когда рывкают «Фас!»
предводители братства.
Захлестнула... Течёт
обжигающей лавой
до сих пор та Река
в равнодушную Вечность.
И порою, очнувшись,
среди терний, хулы и отравы,
надеваю я шкуру его,
и та боль бесконечна...

* * *

Текла река, и мы цедили воду,
засунув губы в глубину природы,
сосали грудь у матушки-водицы,
как зверь она лизала наши лица.
Змеились корни, дыбились коряги,
но ласково маня, дышала рядом,
всем отраженьем бездны, как волчица,
река, нам звёздами окатывая лица.
Я и теперь ещё дитя природы,
ляг на траву, цеди со мною воду,
цеди парное молоко галактик.
Пей красоту со мной. Надолго хватит.

* * *

На родине моей летали самолёты –
от маленькой Тамги в сады Алма-Аты.
К тебе я прилетала под субботу.
О, как безмерно радовался ты!
И в проходной каморке у бабуси,
где по углам ютилась беднота,
слепил нас свет, так много было вкуса
и к чарам жизни, и к благим мечтам...
Ты мне дарил сирени и пионы –
огромные букетов вороха.
И не было богаче нас, влюблённых,
был день не ночи равен, а векам.
Теперь, когда, чтобы тебя дозваться,
звоню я со второго этажа –
тебе на первый, хочется в пространство,
где замирала в небушке душа.
...На родине моей летали самолёты
от маленькой Тамги – в сады Алма-Аты.
И мигу равен был тот час полёта...
.....
...Меж нами лестница, но не взлетаешь ты.

* * *

Я знаю, о чём плачут в осень дожди,
но не знаю, как лучше
сварить чечевицу,
не умею чинить плащи
и угадывать фатум по лицам.
Корону долой. Не рисуй меня, брат.
Фею писал, получился ветер,
глаза-трясины и нос островат –
признак таланта и ведьмы.
Читаю думы дубов у окна,
насквозь твою душу вижу,
знаю, о чём шумит чарка вина
в голове твоей, но не слышу
самый
тревожный на свете гул,
самые огненные листопады.
Месяц в очи мои заглянул
и укололся шипами сада.

* * *

Чем больше вижу мраморных дворцов,
тем мне дороже срубы праотцов.
Стояли средь величественных сосен
и яхонтами зорь пылала осень.
То в образе калины,
то в образе рябины...
И звал меня с собой клин лебединый.
Зачем, зачем я вслед ему сорвусь?
И где теперь быллинная ты, Русь,
те Берендеи и резной мой сруб,
на кои точит враг червивый зуб?
Смотрю издалека, и странная тоска
по первобытным кущам и жилищу
меня томит и волком в мыслях рыщет.
И так прошли уже давно века...
На блюдечке с каёмкой голубой,
содеянной неведомой волшбой,
порой увижу приторную роскошь,
а в ней – Содом с Гоморрой
невозможной.
И... трепещу... Не это я ищу.
Не этого безумства вождедею.
Глядит мой плющ в окно,
и плачусь я плющу.
Но изменить ход рока не умею.

Из забытой тетради

На Мангышлаке ландшафт Урана,
А может быть, Марса или Плутона.
Мне хотелось к тебе...
бежать спозаранок
и в море глядеть на большую корону
восходящего солнца и дымки завесу,
на волны-горбы,
на праматерь-природу...
Бродить средь великих камней,
как по лесу,
и бризом дышать
под сырм небосводом.
Сказал ты –
Здесь, в море, вода ледяная,
сказал ты – воды вашей сладкой
здесь нету.
А я всё люблю Мангышлак
твой туманный
и берег твой дикий,
инопланетный...

* * *

Всё неотступнее костры долин,
как ни тушил их водопад дождей...
Дрожит в ознобе зарево калин,
прохладой веет полымя плющей.
Забил октябрь в небо птичий клин.

Давай пригубим осени бокал,
не зря вёл в горы нас реки рукав.
Там лес, кулак свой с красками разжав,
Нас будто в первый раз околдовал...

* * *

В усадьбе моей,
где дожди расклевали крыльцо,
где сад мой в овраг убегаёт
дремучей оравой,
я знаю всех птиц моих
певчих и добрых в лицо,
по имени древолюбое,
по запаху травы.
В моём государстве садовом,
где бродят стихи,
где дремлет ветрюга в гнездовье,
свернувшись улиткой,
где божьи коровки пасутся,
орут петухи,
повеет вдруг ночи прохлады,
и скрипнет калитка...
Замру, оглянусь –
отовсюду глядит красота.
Из тонкого мира
так много приходит видений.
То мать улыбнётся,
то братьев коснутся уста,
то дед, то отец навестят
и растают, как тени.

* * *

В мой бокал луна упала,
Свет янтарный сентября.
До луны рукой достала.
А до тебя – леса, моря...
А до тебя – поля в ромашках.
А до тебя – страна небес.
Я брожу в твоей рубашке,
Вспоминаю дни чудес:
Как дарил ты мне купавы,
Как плели с тобой венки,
В молоке луны купались.
...Пели трети петухи.

